

постчерненковской эпохи Д. видит лишь заурядных воров и зловредных смутьянов, играющих на низменных инстинктах простолюдинов. Впрочем, душевная нетерпимость к врагам внешним и внутренним не побуждает героев Д. к решительным действиям — в самих себе они видят «лишь глину для лепки событий», предпочитая накалу гражданской борьбы плотские утехы в интернате для глухонемых девушек. Впрочем, для пробуждения революционного сознания героям Д. достаточно малейшего толчка («В Пол Пота я и в Троцкого уверю, / Не надругайтесь над моею верою!»), после чего события приобретают брутальный и необратимый характер («Маньяки — это лишь предтечи / Железных пролетарских армий!»). В результате размышлений над ходом всемирной истории Д. пришел к выводу о том, что большая часть наших современников является не людьми, а киборгами (человекообразными кибернетическими устройствами), смыслом существования которых является исключительно собственное материальное благополучие. «Кибернетическая тема стала в последнее время мировоззренческой основой деятельности Ордена. Отсюда, а вовсе не от природы произрастают в нас бытовая разнузданность, цинизм и тяга к стяжательству». Это открытие излечило Д. от бывшего политического радикализма («Когда мы видим, что пришло / На смену прежнего режима, / Мы лишь вздыхаем тяжело, / Решив, что жизнь непостижима»).

В 2000 Д. вызвал интерес политологов и футурологов — в стих. 1992, где упоминал «диктатор поселка по имени Вова. Металл», усмотрели сбывшееся пророчество о новом главе государства. В дальнейшем к путинской теме Д. обращался неоднократно («Будь счастлив, Путин»; «Подарок к выборам» // Национальная газ. 2004. № 72). В ряде стих. Д. осуждает межнациональную рознь; с чтения вслух его стих. «Когда гуляешь по Тверской» в московских школах начинают урок толерантности.

С 1991 Д. начал работать в различных московских изд-вах, первоначально как сост. различных антологий; затем стал главным редактором изд-ва «АСТ» на самом раннем этапе его возникновения, ту же должность занимал последовательно в изд-вах «АСТ-пресс», «Мирт», «Букмэн». Желание больше времени уделять творчеству привело Д. к решению отказаться от административной работы: он всецело посвятил себя составлению поэтических антологий, в т. ч. знаменитого тома «Фривольная поэзия» (М., 2002. 1168 с.). По заказам изд-в писал авантюрные ро-

маны как под собственной («Черный проebel», 1992; «Смерть говорит по-русски», 1995; «Кольцевой разлом», 1998), так и под чужими фамилиями (участие в проекте «Евгений Сухов, Я — вор в законе». Д. — автор романа «Мafia и власть» и др.). Автор поэтических сб. — «Пески» (1994), «Бестиарий» (1994), «Холод» (1994), «Регулярные парки» (1997), «Река» (1999), «Странная пристань» (2000), «Записки гуляки» (2000), «Легкое жжение» (2002), «Жестокость» (2004). Член Союза московских литераторов (1989), СП Москвы (1993; рекомендация Б. Ш. Окуджавы), СП России (2001). «Творчество Д. позволяет нам понять и принять как норму многообразные отклонения <...> Сама судьба определила Добрынину стать Лермонтовым наших дней: его железный стих, облитый горечью и злостью, как бы договаривает нам все то, чего не успел договорить гениальный соратник 150 лет тому назад» (Боклерк Ф. — С. 182).

Десятилетие спустя и сам Д. уточнил место поэта в мироздании: «Поэт находится в странной роли — / Он, при амбициях всех своих, / Лишь пыльный фикус, стоящий в холле / Профилактория для слепых. / Решал, наверное, что-то где-то, / С унылым тщанием наш мир творя, / На всякий случай включить поэта / В состав мирового инвентаря».

Соч.: Черный проebel. М., 1992; Смерть говорит по-русски. М., 1995; Кольцевой разлом. М., 1998; Пески. М., 1994; Бестиарий. М., 1994; Холод. М., 1994; Регулярные парки. М., 1997; Река. М., 1999; Странная пристань. М., 2000; Записки гуляки. М., 2000; Легкое жжение. М., 2002; Жестокость. М., 2004.

Лит.: Степанцов В. Ю. Отстойник вечности // Юность. 1992. № 4–5; Орден Куртуазных Маньеристов: Хроники Ордена (Канцлер вспоминает). М., 1995; Боклерк Ф. Избранники, или Мужество игры // Орден Куртуазных Маньеристов. Красная книга Маркизы: Венок на могилу всемирной лит-ры. М., 1995; Долгоиграющий орден: Беседа А. Добрынина с В. Березиным // НГ Ex libris. 2002. 19 дек. № 44 (255).

М. П. Лепехин

ДОБЫЧИН Леонид Иванович [5(17).6.1894, Люцин Витебской губ., ныне Лудза, Латвия — после 28.3.1936, Ленинград (?)] — прозаик.

Отец — врач, мать — акушерка. Д. учился в реальном училище Двинска (Даугавпилс), куда Добычины переехали в 1896, в 1911 поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического ин-та, но не окончил его, часто отлучаясь в Двинск. В 1915–16 участвует в статистико-экономическом обслед-

довании Обл. Войска Донского, затем в обследовании устья реки Сыр-Дарья. В 1916–17 Д. заведует Статистическим бюро по делам бумажной промышленности в Петрограде. 21 июня 1917 подает прошение об отчислении из политехнического ин-та. Сведений об ориентации Д. во время революции нет. Весной 1918 Д. приезжает в Брянск, куда переселилась его семья. Летом он работает учителем на «курсах для переэкзаменовочников», затем служит в Губстатбюро и др. учреждениях Брянска «статистиком-экономистом».

Первые попытки профессиональной лит. деятельности Д. относятся к началу 1924, когда он посылает в Ленинград М. А. Кузмину рукописный сб. из 5 рассказов «**Вечера и старухи**». Помимо отвращения к идеологизированной эстетике, Д. сближают с Кузминым и некоторые черты характера: он, например, не имел детей, никогда не был женат, а судя по его прозе и письмам, к женским нарядам испытывал любопытство более устойчивое, чем к самим дамам. В этом пункте он напоминает не одного Кузмина, но и Гоголя, влияние которого на его прозу общепризнано.

12 авг. 1924 Д. отправляет в ленинградский ж. «Русский современник» два рассказа — «**Встречи с Лиз**» и «**Козлова**»; первый из них сразу же печатается К. И. Чуковским (1924. № 4).

С 1925 начинаются регулярные поездки Д. из Брянска в Ленинград. Однако любые коллективистские формы человеческого общения оказались ему противопоказанными, доминантой его судьбы всегда оставалось одиночество. Поразительно, какую картину рисует ему воображение, когда речь заходит об обложке его собственной книги: «Жалкая гостиная (без людей)» (Письмо И. И. Слонимской от 4 июня 1930).

Вполне корректно бытующее сравнение Д. с Дж. Джойсом. У обоих писателей их внеконфессиональная редуцированная религиозность — знак сыновней оставленности, покинутости. В их «одиссеях» ближайший автору герой — обездоленный сын, Телемак, — в омерзительном мире «взрослых женихов», чей удел нравственный паралич. А в общении с паралитиками уже безразлично — добрые они или злые. Едва ли не в этом омерзении кроется разгадка добычинских и джойсовских сюжетов, индифферентных по отношению к номинации «доброе» и «злое». Во всяком случае — сюжетов главной книги Д. «**Город Эн**» (1935) и ближайших к ней по образному строю «Дублинцев». В такой ситуации художник выбирает нейтральную позицию «хроникера». «Особенностью хрони-

ки (летописи), — говорит по поводу «Города Эн» Ю. К. Щеглов, — является то, что события в ней не обязаны складываться в какие-нибудь известные конфигурации, иметь развитие, кульминацию, развязку и т. п. (Щеглов Ю. — С. 27). При этом «летописность» Д. не есть плод каких-либо стремлений к архайзации стиля. Она удобна как раз для решения совр. худож. задач, и прежде всего — для замены традиционного в беллетристике фабульного построения сюжета монтажом, на что обращают внимание большинство исследователей стилистики Д. Восходящую к «монтажным» открытиям Флобера в «Госпоже Бовари» «летописность» Д. особенно утвердило знакомство с кинематографом. Смысловой единицей прозы Д. стал «абзац-кадр», «...редкие комментарии, реплики и лозунги сомнительного типа... совершенно очевидно по функции своей напоминают титры» (Федоров Ф. П. // Вторые Добычинские чтения. С. 53, 57).

Психологически метод Д. обоснован установкой на «инфантилизм», противопоставленный в своей дискретности моноритму «взрослого» сознания. Д. предпочитает все, что не успело окостенеть. Отсюда тяга прозаика к водной стихии как источнику жизни (В. В. Ерофеев). Этот ведущий образ у Д. амбивалентен, связан с мотивом исчезновения, растворения, небытия. Писатель понимает смерть как развоплощение жизни, а не как окоченение, обызвествление. Зыбкий «портрет художника в юности» для Д., как и для Джойса, загадочнее и пленительнее любых канонизированных типов. Когда в Д. настойчиво ищут обличителя, продолжателя Н. Щедрина или завершителя сологубовского «Мелкого беса», то нужно, по крайней мере, учитывать, что это какой-то необычайно грустный «Щедрин» и едва ли не простодушный «Сологуб».

В прозе Д. верх берет печаль, а не сатира. Из чего не следует, что к «страшному миру» он был слеп или глух. С первых же лит. шагов он все прекрасно понимал — и про «Начальников», и про «Цензуру» (подобные «опасные» слова Д. с саркастической почтительностью неизменно пишет с заглавных букв). Но «обличительство» его состояло в том, что он как бы не замечал предмет обличения, лишал его чести быть персонифицированным, описывал как мертвую природу. Буквально писал «натюрморты» на поле брани и воплей: «Сегодня день скорби, и базар утыкан флагами, как карта театра войны, какими обладали иные семейства». Это написано 21 янв. 1926, т. е. во вторую годовщину со

дня смерти В. И. Ленина. Точно так же он «не заметил» в своей прозе никаких Больших Людей, никаких Больших Идей. «Не заметил» и саму советскую власть. В добычинском отстранении от господствующих фантомов вся философская соль его работы: поставить в центр худож. интересов такого человека, который в данную эпоху глядит особенно малым и ничтожным существом. Здесь сказывается прямая честь писателя: оставить в стороне персонажей, на которых время смотрит снизу вверх.

К осени 1925 относится первая неудачная попытка Д. переселиться в Ленинград. В это время он знакомится с семейством Чуковских и через него с несколькими писателями. Круг лит. общения Д. в дальнейшем не расширяется. В него входят Чуковские, Слонимские, Г. С. Гор, В. А. Каверин, Н. Л. Степанов, Л. Н. Рахманов, Е. М. Тагер, Ю. Н. Тынянов, Е. Л. Шварц, М. М. Шапская, В. И. Эрлих. В 1927 в ленинградском изд-ве «Мысль» выходит его первый сб. «**Встречи с Лиз**». Следующий сб. рассказов «**Портрет**» появляется в конце 1930 (в выходных данных — 1931). В 1933 прозаиком подготовлен, но не издан сб. «**Матерьял**», в котором также предполагалось использовать уже печатавшиеся тексты. При скрупулезной тщательности лит. отделки Д. оставляет свои произведения «открытыми». В т. ч. и создававшийся несколько лет роман из провинциальной жизни «Город Эн» (к 1934 Д. написал 34 главы, как бы обещая на каждый следующий год еще по эпизоду).

Установка Д. такова: книгу всякий раз можно монтировать заново — главное в ней добротность, качественность материала. Важна исходная чистота, открытые самим автором «первоэлементы» искусства, его «монады». Д. установил, что жизнь, увиденная на расстоянии вытянутой руки, и есть та самая субстанция, которую следует в первую очередь соотносить с мировой гармонией и мировыми катаклизмами.

Не любивший «претензий на обобщения», Д. как художник искал индивидуальное и неповторимое, отказываясь от «общего плана» истории и жизни. Вряд ли его стоит характеризовать «страстным, язвительным, острым обличителем мещанства», как видит дело безусловно признававший его талант В. А. Каверин. Не мещанство обличал Д., а печалился о человеке как таковом. О том, что растерян и наг стоит он перед лицом истории.

До 1934 Д. жил несостоявшимся событием» переезда в Ленинград. Один из его исследователей полагает даже, что и вся его

проза — «Рассказ о несостоявшемся событии» и в этом пункте очень близка к Чехову (Неминуший А. В. // Первые Добычинские чтения. С. 50–51). Близость эта несомненна, и добычинский город Эн — не только реминисценция из «Мертвых душ», но и из чеховской «Степи», начинающейся с отъезда мальчика из уездного города Н. Приехавший из подобного же уезда в Ленинград, Д. надеялся избавиться от тоски. «А мне очень скучно ни с кем не разговаривать», — писал он М. Л. Слонимскому. В 1934 Д. получил от СП комнату в коммунальной квартире (Мойка, 62). Ее обстановка — зловеще реализованная метафора сочиненного автором для самого себя упоминавшегося эскиза обложки. Бывавший у Д. в последний год его жизни А. Л. Григорьев вспоминает: «Комната у него была совершенно пустая. Я сидел на ящике. Происходил как бы литературный вечер. Пришло человек десять» (Звезда. 1993. № 10. С. 147). Вероятнее всего, находился среди присутствовавших и добычинский сосед по квартире А. П. Дроздов, «Шурка», последняя и напрасная надежда писателя. Ему посвящен «Город Эн», его имя Д. поставил рядом со своим перед рассказом «**Дикие**», и о его детстве написана последняя вещь писателя — повесть «**Шуркина родня**». Впервые в добычинской прозе герой — отрок Шурка — «эволюционирует» в ходе повествования — и явно не в лучшую сторону. Описанная в «Шуркиной родне» глухая провинциальная жизнь бурных военных и революционных лет к добрым делам не склоняет никого из персонажей. Заканчивается эта история просто: «Шурка подумал и решил, что нужно снова идти в жулики». Невозможно отделаться от ощущения, что дружба с молодым Дроздовым лишь подчеркивает безрадостное добычинское одиночество.

В лит. атмосфере дышать, впрочем, было не легче. При жизни Д. пресса отзывалась о нем доброжелательно на трех страничках (Н. Л. Степанов). Др. рецензенты не стесняли себя ни в объеме, ни в выражениях: «Позорная книга» «Об эпигонстве», «Пустословие» и т. п.

Особенно досталось «Городу Эн». А между тем лейтмотив этого романа — человеческая потребность в дружбе и душевном общении. Что все это невозможно в совр. жизни, что полная открытость иллюзорна и ведет к драме — об этом еще только начинает смутно догадываться маленький его герой. Осознано воссозданный, разваливающийся, абсурдно дискретный мир романа есть проекция этой впервые нащупываемой становящимся

детским сознанием трагедии. Мальчик из «Города Эн» показан в мгновение, когда он судорожно изыскивает последние возможности осуществить бесценное желание прорваться внутренне от одной личности к другой, цепляется то за наполовину воображаемого друга, то за Манилова с Чичиковым: «Слышал ли ты, Серж, будто Чичиков и... Манилов — мерзавцы? Нас этому учат в училище. Я посмеялся над этим». Вот ведь в чем согревающий, теплящийся мотив этой частной, маленькой человеческой жизни: нет в ней никаких героев, никаких Больших Людей, так не отбирайте хоть и последних, «черненьких», говоря словами того же Гоголя.

Что же было делать этому писателю, когда даже известные люди, понимавшие в глубине души оригинальность и существенность не ко двору пришедшихся худож. замыслов Д., говорили: «Добычину надо бежать от своей страшной удачи» (К. А. Федин).

Не один Федин должен был испугаться, когда Д. в разгар декларируемых побед Большого Искусства показал, что «уродливое», «одномерное» существование «маленького человека» — по-прежнему «вечная тема» русской прозы.

Д., в отличие от мн. достойных писателей 1920–30-х, репрессиям не подвергался. Но судьба этого писателя по-настоящему ужасна: его одного из первых уничтожали у всех на виду. Уничтожали собрата по перу. Обстоятельства последних месяцев жизни Д. очень похожи — по справедливой мысли В. С. Бахтина — на зловещую репетицию драмы, разыгранной в ленинградской лит. жизни через 10 лет в связи с постановлением ЦК «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“».

Вслед за статьей «Правды» от 28 янв. 1936 «Сумбур вместо музыки» на веренице лит. обсуждений и собраний Д. оказался в Ленинграде главной мишенью — и как «формалист», и как «натуралист». 25 марта Д. отверг обвинения в Доме писателей одной фразой: для него «неожиданно и прискорбно», что его книга признана «классово враждебной». И сразу же ушел. Собрания, на которых его клеймили, продолжались и дальше: 28 и 31 марта, 3, 5, 13 апр. Д. на них не было и, судя по всему, быть не могло. Он исчез. В ночь с 25 на 26 марта с Д. разговаривала Марина Чуковская, 26-го днем — В. А. Каверин. Последняя фраза его письма (Николаю Чуковскому): «А меня не ищите — я отправляюсь в далекие края». Тайный осведомитель «Морской» заявил в НКВД, что 28 марта в 11 ч. 30 мин. Д. покинул свою квартиру, отдав ему ключи и сказав, что больше в нее не вернется.

Начиная с 28 марта Д. ни живым ни мертвым никто не видел. Его стали искать после встревоженного письма матери из Брянска. Обратились в Дом писателя. По распространенной Начальниками версии, почерпнутой из донесений тайных информаторов, Д. «уехал в Лугу».

Безнадежность случая Д. состояла в том, что он погиб, противостоя всей «лит. обществу», а не только Начальникам. «Вопрос „За что вы его убили?“ — говорит Каверин, — витал в воздухе Дома писателя. По чести он должен был бы звучать иначе: „За что мы его убили?“».

Соч.: Встречи с Лиз. Л., 1927; Портрет. Л., 1931; Город Эн. М., 1935; Избранная проза: в 2 т. Нью-Йорк, 1984; Город Эн: рассказы. М., 1989; Расколдованный круг: Василий Андреев, Николай Баршев, Леонид Добычин. Л., 1990; Полн. собр. соч. и писем. СПб., 1999.

Лит.: Степанов Н. Встречи с Лиз: [рец.] // Звезда. 1927. № 11; Степанов Н. Город Эн: [рец.] // Лит. современник. 1936. № 2; Каверин В. Леонид Добычин // Эпигон. М., 1989; Гор Г. На канале Грибоедова, 9 // Пять углов. Л., 1983; Чуковская М. Одиночество // Огонек. 1987. № 12; Бахтин В. Судьба писателя Л. Добычина // Звезда. 1989. № 9; Агеев А. Скепсис и надежда Леонида Добычина // Новый мир. 1990. № 7; Ерофеев В. Поэтика Добычина, или Анализ забытого творчества // В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990; Щеглов Ю. Заметки о прозе Леонида Добычина // Лит. обозрение. 1993. № 7, 8; Первые Добычинские чтения. Даугавпилс, 1991; Вторые Добычинские чтения. Даугавпилс, 1994; Писатель Леонид Добычин. СПб., 1996; Добычинский сб.: Вып. 3. Даугавпилс, 1998; Добычинский сб. 2. Даугавпилс, 2000; Добычинский сб. 3. Даугавпилс, 2001.

А. Ю. Арьев

ДОВЛАТОВ Сергей Донатович [3.9.1941, Уфа — 24.8.1990, Нью-Йорк] — прозаик, журналист.

Родился в семье эвакуированных из Ленинграда театральных работников. Отец — реж. Донат Мечик, мать — актриса Нора Довлатова. С 1944 и до эмиграции в 1978 Д. жил преимущественно в Ленинграде, с перерывом на армейскую службу в ВОХРе (военизированная охрана) (1962–65, первый год — Коми АССР, затем под Ленинградом) и журналистскую работу в Таллине (1972–75). В 1959–62 Д. учился на финском отделении филол. ф-та ЛГУ, после армии — там же, на ф-те журналистики, но не окончил его. Работал в газетах Ленинградского кораблестроительного ин-та и Ленинградского оптико-механического объединения. В 1975–76 —